Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. № 6/6 журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2070-9773

Подписка на журнал «Клио»
осуществляется по каталогу «Роспечати».
Индекс 14243

Резюме всех статей журнала «Клио» включены
в International Bibliography of the Social Sciences
(www.ibss.ac.uk)

# КЛИО

## Журнал для ученых

## № 4 (51)



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛТОРАК»
2010

СОДЕРЖАНИЕ

## ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ



## ПЕРСОНАЖИ ИСТОРИИ



## МНЕНИЕ



## ОТЗЫВЫ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОППОНЕНТОВ



## РЕЦЕНЗИИ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ



## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

### Прошли научные конференции



## ЮБИЛЕЙ

# РЕЦЕНЗИИ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ

**_АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ КАРЕВИН_**

*историк (Киев, Украина)*

*Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: karev_alex@ukr.net*

Разбирается книга Т.Г. Таировой-Яковлевой «Мазепа». Подчеркиваются грубые ошибки, допущенные автором.

*Ключевые слова*: Мазепа, Кочубей, Украина, Таирова-Яковлева, Батуринская резня.

## БЕЗДНА НЕВЕЖЕСТВА: «НЕТРАДИЦИОННАЯ» РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ МАЗЕПЫ

Можно простить незнание, но не такую дерзкую демонстрацию несуществующего знания...

*В. Рамсей, английский ученый*

Ажиотаж, вызванный еще три года назад выходом в Москве в серии «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей») биографии Ивана Мазепы, не утих до сих пор. Если автор этого сочинения, профессор Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук Татьяна Таирова-Яковлева, ставила перед собой цель написать нечто замечательное (в смысле – заметное), то таковая цель, безусловно, достигнута.

Как рассказывает сама автор, в 2003 г. к ней обратились из редакции издаваемого Институтом всеобщей истории РАН журнала «Новая и новейшая история» с просьбой написать о знаменитом гетмане статью, «где был бы выражен новый нетрадиционный российский взгляд на его личность». «Ко мне, – пояснила Таирова-Яковлева, – обратились потому, что я единственная, кто в России занимался Гетманщиной». Просьбу редакции она выполнила и, «отбросив стереотипы, навязанные имперскими, а потом и советскими историографами», написала нужный материал.

Когда статью опубликовали, последовало новое предложение, теперь уже от издательства «Молодая гвардия», написать о гетмане Мазепе книгу. Книга была написана, издана, после чего и начался упомянутый ажиотаж. Автора заметили. По словам опять-таки самой Таировой-Яковлевой, Владимир Путин (тогда президент РФ) дал ей именной грант «как молодому доктору наук». Министерство иностранных дел России попросило ее подготовить историческую справку о событиях 1708 г. в Батурине (данную тему как раз начали очень активно поднимать на Украине, что влияло на российско-украинские отношения). И эту просьбу «молодой доктор наук» уважила. Затем Таирову-Яковлеву ввели в российско-украинскую комиссию историков, «очень серьезную поддержку» получила она в Санкт-Петербургском университете, а ее книгу о Мазепе дружно одобрили «коллеги-специалисты». Среди сих «коллег» г-жа Таирова-Яковлева особо выделила некоего Владимира Артамонова, «известного историка», «авторитетного исследователя», "ведущего специалиста по Петровской эпохе».Еще больший фурор книга «Мазепа» вызвала на Украине. Президент (теперь уже бывший) Виктор Ющенко даже наградил ее автора орденом Княгини Ольги III степени «за значительный личный вклад в исследование истории Украины и украинско-российских взаимоотношений, плодотворную научную деятельность». О выходе «Мазепы» с восторгом упомянул в выпуске новостей Первый Национальный канал Украинского радио (дескать, наконец-то в России издана правдивая книга о выдающемся гетмане). Свое восхищение Таировой-Яковлевой и ее произведением выразил ряд украинских деятелей, называющих себя историками. «Захватывающий рассказ о шекспировской судьбе героя. Все задокументировано. Без стереотипов. Эту бы книжку в каждую украинскую школу», – писал, например, в своем блоге на сайте "Украинская правда» доктор исторических наук Алексей Гарань.

Появились положительные отклики в газетах. Сразу несколько изданий («Зеркало недели», «День», «Украина молодая» и др.) опубликовали интервью с «известной российской исследовательницей украинской истории». Правда (примечательная деталь!), столь благожелательное внимание к Таировой-Яковлевой и ее труду высказали именно те деятели и издания, которые последовательно занимают русофобскую позицию. Они не жалели похвал. «Делает настоящую "революцию" в российской историографии», «развенчивает практически все главные "страшилки" и мифы о "знаковом гетмане"», «ищет (и все-таки находит!) историческую правду», «и понемногу... переписывает историю» – вот только некоторые из характеристик, данных новой российской мазеповедке украинскими симпатиками.

Не особо скромничала и сама сочинительница. Она заявила, что ее книга стала «полным откровением» для российских читателей и что там (в книге «Мазепа») представлен «именно взвешенный, профессиональный взгляд на нашу общую историю». Поясняя неправильные (помнению журналистов упомянутых изданий) оценки, которые даются в России некоторым украинским гетманам, г-жа Таирова-Яковлева снисходительно заметила, что все это «идет от незнания». Себя она, надо полагать, отнесла к знающим. А напрасно. Как ни парадоксально, но истории сия «ученая» дама (повторюсь еще раз – доктор исторических наук, профессор!) не знает. Написанная же ею биография Мазепы – это буквально бездна невежества.

Первое, что поражает при чтении указанного сочинения, – это огромное, непростительное для обладателя ученой степени количество ошибок. Так, гетман Правобережной Украины Михаил Ханенко «переименован» в Ивана. Киево-Могилянская коллегия применительно к XVII в. упорно называется Академией (каковой она стала лишь в 1701 г.) и объявляется «первым высшим учебным заведением в Восточной Европе» (было ли то заведение высшим – вопрос спорный, но в любом случае университеты в Вильно и Дерпте основаны раньше). «Вторым высшим учебным заведением в Восточной Европе» назван Черниговский коллегиум, основанный в 1700 г., хотя, известно что Эллино-Греческая (позднее – Славяно-греко-латинская) академия в Москве существует с 1687 г. Русское государство времен Мазепы именуется «Российской империей» (каковой Россия была провозглашена в 1721 г., после присоединения Прибалтики). Сообщается, что по условиям Карловицкого мирного договора (1699 г.) Турция сохраняла за собой Подолье (в действительности турки уступили эту область Польше).

Рассказывая о взятии Семеном Палием Белой Церкви, автор книги заявляет: «После этого польская власть на Волыни была ликвидирована». Однако Белая Церковь находится не на Волыни, значительная часть территории которой, кстати сказать, вообще не была охвачена восстанием Палия и, следовательно, польская власть там не ликвидировалась.

Взятие в 1695 г. малороссийскими (ими командовал Мазепа) и великороссийскими войсками татарской крепости Кизикирмен объявляется грандиозным событием мирового значения. «Победа имела огромный резонанс во всей Европе, – сообщает Таирова-Яковлева. – Со времен Вены подобного удара туркам не наносили». Между тем «ученой» даме, числящейся в Санкт-Петербургском университете при кафедре истории славянских и Балканских

стран, можно бы было знать (ну хотя бы в энциклопедии посмотреть), что в период с 1683 г. (разгром турецкой армии под Веной) и до года 1695 произошло отвоевание у турок австрийцами восточной Венгрии, Славонии, Баната, взятие Буды, Белграда, захват венецианцами ряда важных крепостей в Далмации, отвоевание ими же Мореи. Все эти нанесенные Османской империи удары были куда более ощутимы, чем взятие Кизикирменского городка.

Касаясь истории церкви, Таирова-Яковлева отмечает, что после смерти Иова Борецкого казаки возвели «на должность митрополита» Петра Могилу, в то время как киевским митрополитом в действительности стал Исайя Копинский. Петр Могила занял кафедру митрополита уже после него. И возводили церковных иерархов «на должность» не казаки.

Много в «Мазепе» заурядной путаницы. К примеру, на одной странице Иван Искра (соратник Василия Кочубея) именуется внуком известного казацкого вождя Якова Остряницы, а на другой – его правнуком (точен первый вариант). В одном месте книги утверждается, что генеральный писарь контролировал всю переписку гетмана, а в другом – что гетман мог переписываться «и без ведома генерального писаря». На одной и той же странице сначала сообщается, что Мазепа перешел к шведам «без всякого предварительного соглашения», а потом (в следующем абзаце), что «перед лицом наступления шведов Мазепа заключил с ними соглашение и тем самым пытался спасти Украину от разорения (как русскими, так и шведскими войсками)». Утверждается, что Василия Кочубея гетман в первые годы правления «считал доверенным человеком, делился с ним своими переживаниями», затем же сообщается, что Кочубею он «не верил никогда, с самых первых дней своего гетманства».

Последнее утверждение вызывает сомнение еще и потому, что опирается тут «ученая» дама на письмо Мазепы к Меншикову, где будто бы есть подтверждающие данный тезис высказывания («Кочубей исконный мой есть враг, который от начала моего хлопотливого гетманства всегда был мне противный» и т.д.). Исходя из этого Таирова-Яковлева считает «совершенно невероятным», чтобы гетман мог доверить Кочубею свои тайные планы. Однако упомянутое письмо к Меншикову было написано Мазепой в марте 1708 г., как раз когда гетман узнал о донесении Кочубея и отношение его к «предателю» резко ухудшилось.

Кстати, с Василием Кочубеем связаны еще несколько авторских ошибок. К этому деятелю она испытывает явную антипатию, объявляя его «туповатым», с «местечковой ограниченностью взглядов». С другой стороны, тот же Кочубей, по уверению сочинительницы, играл «ключевую роль» в свержении Самойловича, тайно поддерживал мятеж Петрика. Резонно спросить: мог ли туповатый и ограниченный человек руководить успешным заговором, в течение многих лет ловко плести интриги? Однако ставить такой вопрос излишне, ибо и «туповатость» Кочубея, и его «ключевая роль» в интригах и заговорах – плод авторского вымысла.

Еще один пример неубедительности «ученой» дамы – ее комментарий к содержавшемуся в донесении Кочубея известию о том, что Мазепа планировал убить Петра I, заманив его в Батурин. «Представить, что верующий православный, стремившийся до последнего сохранять союз с Россией (это все о Мазепе! – *А.К.*) и отступиться от него лишь в крайнем случае, когда обоснованность этого поступка будет очевидна для Европы, станет покушаться на подлое убийство – более чем невероятно», – заявляет Таирова-Яковлева. И она же именует Мазепу «талантливым последователем Макиавелли», даже одну из глав своего сочинения называет «Ученик Макиавелли», вероятно позаимствовав это название из книги украинского русофобствующего псевдоисторика Сергея Павленко «Миф про Мазепу», где тоже есть соответствующий заголовок. (В пользу этого предположения говорит тот факт, что данную книгу «ученая» дама не упомянула в списке использованной литературы, хотя в более ранних своих работах на нее ссылалась). Между тем Макиавелли как раз и известен тем, что считал вполне допустимым для достижения политических целей любые средства, самые преступные и аморальные, включая подлое убийство. Создается впечатление, что сочинительница, часто вспоминающая итальянского мыслителя, объявляющая Мазепу его учеником и вместе с тем глубоко верующим православным человеком, просто не понимает, о чем пишет.

Такое впечатление создается не только в отношении Макиавелли. Скажем, Таирова-Яковлева уверяет, что по одному и тому же русско-польскому договору о "вечном мире» (1686 г.) «Подолье попало под власть Турции», все договоры с турками аннулировались и Москва вступала в антитурецкую Священную лигу. Автор даже не задумывается, как Подолье могло попасть под власть Турции по договору, в котором Турция участия не принимала и который к тому же носил антитурецкую направленность. На самом деле эта область вошла в состав Османской империи по польско-турецкому договору 1672 г., а в 1686 г. Польша пыталась вернуть ее с помощью России.

Это ошибки в деталях. Есть и более значительные. Неправомерно, например, трактовать переход Мазепы к шведам как «русско-украинский конфликт». Ведь известно, что Украина не поддержала гетмана-перебежчика. Вместе с великороссами, украинцы (малороссы) отражали шведское нашествие. Имя же Мазепы в сознании малороссского народа надолго стало синонимом предательства.

Точно так же несправедливо утверждать, будто крепостное право в Украине «ввели только в конце XVIII века при Екатерине II», а при гетманах его «не существовало». Крепостнические порядки у нас старательно устанавливались именно гетманами (Мазепой особенно) и другими представителями казацкой старшины. Екатерина II в 1783 г. официально оформила положение, которое уже было в реальности.

Вряд ли правомерно проводить «прямую параллель» между вынужденным разрывом польским королем Августом II антишведского союза с Россией и предательством Мазепы. Август II был главой суверенной страны, а Мазепа – царским подданным, руководителем одного из регионов Русского государства.

И уж конечно, не имеет ничего общего с исторической правдой давно опровергнутый миф о «Батуринской резне», который Таирова-Яковлева тужится распространять, демонстрируя, как обычно, собственную неосведомленность. Например, она сообщает о неудачных попытках Меншикова «взять хорошо укрепленный город штурмом». На самом деле город был укреплен плохо и взяли его с первой попытки. Видимо, столь усердно бичующая Кочубея «ученая» дама недостаточно внимательно читала его «донос», где сообщалось и о состоянии гетманской столицы: «Батурин 20 лет стоит без починки и того ради валы около него всюду осунулися и обвалилися; взглядом того и одного дня неприятельского наступления отсидеться невозможно».

Говорит Таирова-Яковлева и об уничтожении российскими войсками «всего гражданского населения». «Погибло тогда, – сокрушается она, – около 15 тысяч украинцев, в том числе все женщины и дети, укрывавшиеся в замке. Современные исследования археологов рисуют страшную картину резни. После этого все дома, церкви и монастыри были разграблены и согласно царскому указу сожжены».

Между тем никакой резни в Батурине не было. Был штурм Батуринского замка, бой с частью его гарнизона (только с частью – другая часть не поддержала изменников). Разумеется, во время штурма могли быть (вероятно и были) жертвы среди мирных жителей, оказавшихся в эпицентре сражения. Но случайную гибель некоторого (точно не установленного) количества людей неправомерно называть резней, целенаправленным уничтожением «всего гражданского населения».

Выдумку про «резню» сочинил еще сам Мазепа. Вместе с другими выдумками она содержалась в универсале, рассылавшемся гетманом-изменником по Малороссии с пропагандистской целью. Но уже преемником Мазепы – новым гетманом Иваном Скоропадским ложь была опровергнута (универсал от 8 декабря 1708 года): «Що о женах и детях, о гвалтованю панен и о ином, що написано во

изменническом универсале, то самая есть неправда... Не тылко тые не имеючие в руках оружия, але большая часть з сердюков из городовых войсковых людей, в Батурине бывших, на потом пощажены и свободно в домы, по указу Царского Пресветлого Величества, от князя, Его Милости, Меншикова, отпущены».

Вряд ли можно для доказательства резни ссылаться и на «современные исследования археологов». Несколько десятков (а не 15 тысяч!) скелетов, найденных на месте раскопок в Батурине, были объявлены в современной Украине «жертвами московского геноцида» совершенно голословно, из политических соображений.

«Ученой» даме, живописующей «трагедию», очевидно, неизвестно об универсале Ивана Скоропадского от 22 декабря 1708 г., выданном батуринскому атаману Даниилу Харевскому. Тот универсал разрешал жителям Батурина (тем самым, кого якобы вырезали!) вновь селиться на старых местах. Опись города, проведенная в 1726 г., зафиксировала наличие 428 дворов жителей посполитого звания и 104 двора казаков, большинство из которых жили в Батурине еще во времена Мазепы и, вернувшись после разорения города, «поселились в старых домах на своих местах». Как видим, и дома были сожжены не все. Но г-жа Таирова-Яковлева ничего об этом не знает. Можно только представить, какую «историческую справку» подготовила она для российского МИД.

Не блещет сочинительница знаниями и при описании жизнедеятельности главного героя повествования. Например, крайне неумело пытается она опровергнуть рассказ польского шляхтича Яна Пасека о получившем широкую огласку финале романа Мазепы с замужней шляхтенкой. Оскорбленный муж Мазепиной возлюбленной приказал слугам привязать голого ловеласа к дикому коню и отправить в степь. Уцелел тогда будущий гетман чудом.

Таирова-Яковлева объявила эту историю неправдой, а самого рассказчика обвинила в клевете. «Пасек, – отмечает она, – в своем произведении заявляет, что Мазепа “от стыда” поехал вон из Польши и что якобы не знает, что с ним дальше стало. Это явная ложь, так как в 90-е годы XVII века, когда Пасек писал свой “Памятник”, о Мазепе, тогда уже гетмане Украины, знали в Речи Посполитой все».

«Знали все» – конечно же, преувеличение, но дело в другом. Свой «Памятник» (мемуары) Пасек писал не в 90-х гг. XVII в., а между 1670–1690 гг. (точная датировка неизвестна), т.е., скорее всего, до того, как в 1687 г. Мазепа стал гетманом и получил, по мнению «ученой» дамы, всепольскую известность.

Столь же несостоятельно другое, приводимое Таировой-Яковлевой «опровержение» того же эпизода – факт женитьбы Мазепы в 1668 г. на родной сестре супруги гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко. «Это лишний раз доказывает, что на прошлом Мазепы не было никакого “пятна позора” в стиле россказней Пасека – можно не сомневаться, что в противном случае ему бы не позволили породниться с казацкой элитой Правобережья».

Однако обиды и оскорбления, понесенные от шляхты, вовсе не считались бесчестием в казацкой среде. Наоборот, такой «несправедливо пострадавший» мог рассчитывать на сочувствие, тем более, если он сам оскорбил шляхтича, наставив тому рога. Процитированный пассаж из сочинения Таировой-Яковлевой доказывает всего лишь, что она не вполне знакома с нравами той эпохи, о которой взялась рассказывать.

Об этом же свидетельствуют рассуждения автора о нашумевшем романе старого гетмана с Мотрей. Сообщив, что Василий Кочубей и его жена обвинили Мазепу в совращении (и даже изнасиловании) девушки, «ученая» дама заявляет: «Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что... Кочубеи переживали за “опороченную честь дочери” (какая же она опороченная, если гетман предлагал на ней жениться)». Между тем еще и в наше время во многих семьях добрачная утрата девушкой невинности считается позором. В начале же XVIII в. такие взгляды были всеобщими.

Касаясь доноса (причем, скорее всего, доноса ложного), сделанного в Москве Мазепой (еще не гетманом) на кошевого Ивана Сирко, Таирова-Яковлева оправдывает главного героя книги, поясняя, что Мазепа мстил запорожцу, и «основания у него для этого, как мы увидим ниже, имелись». А ниже «ученая» дама повествует о том, как Мазепа по приказанию Петра Дорошенко вез под охраной татар подарок крымскому хану – 15 пленных казаков, предназначенных для обращения в рабство.

Караван перехватили запорожцы. Татар перебили, пленных освободили. Мазепа, осознав бесполезность сопротивления (нападавших было намного больше), предпочел сдаться сразу. «Запорожцы, – повествует автор далее, – услышав показания освобожденных ими казаков и прочитав бывшие с Мазепой письма, тут же хотели его “растерзать и убить”. Но сделать этого не дали Сирко и другие “товарищи” (то есть заслуженные казаки)».

Иными словами, кошевой спас Ивану Мазепе жизнь. И позднее, отправляя своего пленника к гетману Ивану Самойловичу (тот настойчиво требовал доставить схваченного посланца Дорошенко к себе), Сирко в сопроводительном письме просил о снисхождении к Мазепе: «Зело и покорно велможности твоей прошение свое приносим о Иване Мазепе... твоя милость, яко отец милосердый, покажи милость свою, чтоб он в неволе не был». «Могу с уверенностью сказать, что никогда, ни до этого, ни после, Сирко так ни за кого не просил» – комментирует письмо Таирова-Яковлева.

Сведения, сообщенные пленным Мазепой Самойловичу и царскому воеводе Григорию Ромодановскому, показались им интересными. Мазепу отправили в Москву, где он, выражаясь словами Таировой-Яковлевой, «не преминул насолить запорожцам и их атаману», изобразив Сирко изменником, действующим в интересах турецкого султана.

«Где же основания для мести?» – вправе спросить читатель. Их нет. Есть черная неблагодарность по отношению к человеку, спасшему ему жизнь. И есть очень уж оригинальная (назовем это так) трактовка «ученой» дамой норм морали.

Не менее «оригинальна» Таирова-Яковлева и в комментировании самого момента захвата Мазепы в плен. «Сопротивляться большому отряду запорожцев, – пишет она, – равно как и пытаться бежать от них – означало верную смерть. Но и остаться, и добровольно отдать себя им в руки можно было, только не потеряв присутствия духа. Впрочем, надо признать – Мазепа умел быть храбрым, встречать опасность с холодной головой и с достоинством смотреть в лицо смерти». Желание Мазепы избежать смерти вполне понятно. Но логично ли сдачу в плен без боя, капитуляцию, обусловленную исключительно желанием сохранить себе жизнь, именовать храбростью?

Из таких вот «оригинальных» суждений в значительной мере и состоит книга «Мазепа». Пообещав в предисловии создать «объективный портрет» гетмана, предоставить читателю «выверенные факты», выйти за рамки черно-белых оценок, использовать «всю палитру красок», г-жа Таирова-Яковлева применяет только одну краску – белую, подменяя выверенные факты набором собственных домыслов и разглагольствований. В результате ее книга представляет собой не биографию исторического деятеля, а некое житие святого (хотя до святости там очень далеко). Какие бы подлости ни совершал Мазепа, кого бы ни предавал, как бы не торговал Украиной – для Таировой-Яковлевой он все равно остается патриотом, честным человеком, глубоко верующим христианином, даже спасителем страны. «Разве мог другой человек вырвать Украину из хаоса Руины? – восклицает «ученая» дама, в очередной раз перечислив достоинства своего кумира. – История отвечает однозначно: сделать это смог только Мазепа». (Следует напомнить, что эпоха Руины – кровавой междоусобицы – закончилась при Иване Самойловиче, т.е. до прихода Мазепы к власти.)

Некоторые ошибки автора довольно курьезны. Так, город Лебедин она называет «Леблядином». Сообщает о письме, которое привез от княгини Дольской Мазепе «некий Волошин». (Очевидно, доктор исторических наук думает, что «волошин» – это фамилия, и пишет слово с боль-

шой буквы, хотя в действительности так раньше называли выходцев из Валахии, нынешних румын). Нельзя без улыбки читать и описание Таировой-Яковлевой бегства мазепинцев после Полтавской битвы: «На Днепре разыгрывалась настоящая трагедия. Украинцы бежали со всем своим скарбом. 30 возов с серебром и деньгами Орлика погибли при переправе. Его жена "в одном платье" с детьми сумела захватить только шкатулку с драгоценностями и тысячей червонцев. Орлик – поэт, панегирист и образец учености своего времени – метался в отчаянии и обещал казакам 300 талеров за переправу его возов». Характерно, что «трагедией» сочинительница называет не гибель людей, не ужасы переправы перед лицом наступающего противника, даже не военную катастрофу еще недавно непобедимой армии, а утрату «поэтом» (сей деятель помимо прочего специализировался на составлении откровенно подхалимских виршей, воспевавших власть имущих) Орликом награбленного имущества.

Наверное, нет нужды перечислять все огрехи книги. Чтобы привести их полный перечень с необходимыми в таком случае опровержениями, потребовалось бы писать труд не меньший по объему, чем сочинение самой «ученой» дамы. А потому, в дополнение к вышесказанному, стоит ограничиться разве что указанием на склонность г-жи Таировой-Яковлевой к фантазированию. Тут надо отдать ей должное: воображение у сочинительницы развито превосходно. Только функционирует оно в ущерб достоверной истории.

Вот автор книги ведет рассказ о церковной анафеме Мазепе, провозглашенной митрополитом Стефаном Яворским (малороссом по происхождению). «Очень интересно узнать, какие истинные чувства владели Яворским» – пишет «ученая» дама и начинает строить предположения о тайном сочувствии архиерея гетману, которого он предал церковному проклятию якобы исключительно из опасения подвергнуться репрессиям. Историки, конечно, знают, что свои истинные чувства Стефан Яворский выразил в собственноручно (и добровольно, по побуждению души) написанном стихотворении, где Мазепа назван Иудой, вторым Каином, вторым Иродом, сатаниным сыном и т.п. Но что до того Таировой-Яковлевой?

Примерно такую же степень правдивости имеет утверждение г-жи сочинительницы о скрытых симпатиях к Ивану Степановичу его преемника Ивана Скоропадского. «В своих универсалах, – уверяет "ученая" дама, – он (Скоропадский. – *А.К.*) именовал Мазепу не иначе как "бывший гетман" или "мой антецессор", но никогда "изменником", как того требовали российские власти». Между тем, универсалы те опубликованы. Изменником в них Иван Степанович называется многократно (а еще супостатом, богоотступником, згубцей и т.п.). Очевидно, что указанные документы Таирова-Яковлева не читала (оно ей надо?), а просто напридумывала то, что лучше соответствует концепции жития.

Ну а самым курьезным в книге является приписывание автором своему герою роли «серого кардинала» в свержении в 1689 г. правительницы Софьи. Как провинциальный деятель, только изредка наезжавший в столицу, вообще мог играть такую роль – загадка для всех, но не для «ученой» дамы. Целиком находясь в плену собственных фантазий, не без гордости сообщает она, что ранее «никто из историков не задавался этими вопросами». А далее живописует, как фаворит Софьи князь Василий Голицын, считая Мазепу союзником, планировал двинуть на Москву армию украинских казаков, как обхаживала Ивана Степановича сама правительница и как гетман, давно связанный с партией царя Петра, встал на сторону юного монарха.

Изрекая такие «откровения», доказательств сочинительница, естественно, не приводит. Кроме разве что одного: за десять лет до описываемых событий Мазепа вел «долгие, смелые и откровенные разговоры» с думным дьяком Ларионом Лопухиным, тем самым, что «был отцом Евдокии, жены Петра». И «нет оснований полагать, что эти контакты впоследствии прекратились». Достаточно ли для столь фантастического предположения одного факта беседы десятилетней давности (когда в Кремле сидел другой царь, Софья не являлась правительницей, Мазепа – гетманом, а Евдокия Лопухина – женой Петра) – вопрос, по-видимому, риторический. К тому же «нет оснований полагать» – это не аргумент, ибо точно так же нет оснований полагать, что те контакты продолжались (во всяком случае, «ученая» дама ни одного такого факта не приводит).

Если бы г-жа Таирова-Яковлева писала художественные произведения, то, возможно, смогла бы затмить самого Валентина Пикуля (тоже весьма посредственно знавшего историю, что не мешало ему строчить «исторические» романы один за другим). Однако она считает себя ученой, сочинения свои отдает в солидные издательства, и, увы, там их иногда печатают. Остается надеяться, что появление сей дамы в когорте авторов «ЖЗЛ» – досадное недоразумение.

Вопрос этот немаловажен. Ибо сочинительница, вдохновившись многочисленными похвалами, останавливаться на достигнутом не собирается. Своими творческими планами она поделилась в интервью упомянутым выше украинским газетам. Там «ученая» дама сообщила, что будет сочинять (может, сочинила уже?) еще одну книгу о Мазепе. «В новой книге, – пообещала она, – напишу и обязательно приведу много интересных фактов о том, как этот украинский гетман вообще-то на протяжении двух десятилетий своего правления вместе с московскими руководителями очень успешно создавал Российскую империю. В том числе и с помощью оружия. Вспомним хотя бы победные Азовские походы, которые ни до Мазепы, ни после него никто не смог повторить». Эту тему сочинительница развила и в другом интервью: «Участие именно И. Мазепы, его опыт, знания, советы имели очень большое значение для успехов русского и украинского оружия во время Азовских походов».

Если учесть, что Мазепа вообще в Азовских походах участия не принимал (кстати, победным был только второй из них), то несложно догадаться, каким опусом планирует осчастливить публику профессор Санкт-Петербургского университета.

В заключение еще одно замечание. Доктору исторических наук, мнящему себя специалистом по истории Украины, следовало бы знать, что орган власти, возглавлявшийся Михаилом Грушевским, назывался Центральной, а не Генеральной Радой. О Грушевском сочинительница вспоминает как об одном из авторов, писавших о мазепинской эпохе. И сильно гневается на него, а также на Николая Костомарова, за негативные отзывы о ее герое. Справедливости ради нужно признать, что и Костомарова, и (тем более) Грушевского критиковать есть за что. Вот только не Таировой-Яковлевой упрекать их в «поверхностном» изучении биографии гетмана. Ибо ее произведение о Мазепе получилось не просто поверхностным. Оно получилось скандально слабым, даже позорным. И позор этот большим пятном ложится и на университет, где имеются такие профессора, и на всю российскую историческую науку, где таким «историкам» присуждают ученые степени.

И последнее. Книгу Т.Г. Таировой-Яковлевой «Мазепа» нельзя подвести под русскую поговорку «Первый блин комом». Ком, увы, не первый. На Украине еще в 1998 и 2003 гг. издали на украинском языке две книги «ученой» дамы. Обе они также переполнены элементарными ошибками. Чего стоит, например, рассуждение автора о Молдавии середины XVII в., как о «независимом государстве»(!).

На первую из этих книг появилась рецензия в малотиражном украинском журнале. Рецензент добросовестно перечислил многие недостатки сочинения – точь-в-точь такие же, какие повторились потом в «Мазепе». Тут и отсутствие концептуальной стройности и логичности изложения, и крайне субъективные, предвзятые оценки исторических персонажей, и грубые ошибки, путаница, игнорирование (а то и незнание) фактов, не вписывающихся в построенную автором концепцию, и слишком уж вольная трактовка исторических источников и т.д. Правда, поскольку в современной Украине (как когда-то в тоталитарном СССР) главным достоинством книг по истории считается

не научность их, а идеологическая направленность (с этим, с точки зрения адептов «украинской национальной идеи», у российской «ученой» дамы все в порядке), то сие сочинение автор рецензии все же одобрил. При этом он выразил сожаление, что книга «увидела свет только в Украине и, таким образом, российскому читателю неизвестна».

К этому сожалению вполне можно присоединиться. Если бы первая книга г-жи Таировой-Яковлевой стала известна в России раньше, то, может быть, никому в редакции солидного научного журнала не пришло бы в голову просить ее написать статью по истории Украины, популярное издательство не пригласило бы сию «ученую» писать книгу, Министерство иностранных дел не стало бы обращаться к ней за «исторической справкой», а «коллеги-специалисты» не спешили бы с одобрением столь безграмотного сочинения.

***ВЛАДЛЕН СЕМЕНОВИЧ ИЗМОЗИК***

*доктор исторических наук, профессор Северо-Западного государственного технического университета, заместитель главного редактора журнала для ученых «Клио» (Санкт-Петербург)*
*Тел.: (812) 533-66-47; E-mail: izmozik@mail.ru*

Рецензия анализирует серию воспоминаний ведущих деятелей политического розыска Российской империи начала XX в., изданных в последние годы. Автор обращает внимание на их оценки политического положения страны и характеристики руководства МВД и Департамента полиции.

*Ключевые слова:* МВД, Департамент полиции, охранные отделения, агентура, перлюстрация, революционное движение, либералы.

# РОССИЯ НАЧАЛА XX в. ГЛАЗАМИ ЧИНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА ИМПЕРИИ

**Рецензия на мемуары: Джунковский В.Ф. Воспоминания: В 2 т. / Предисл. и прим. И.М. Пушкаревой и З.И. Перегудовой / Под общ. ред. А.Л. Паниной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 1. 736 с.; Т. 2. 688 с.; «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М.: НЛО, 2004. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 600 с.; Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З.И. Перегудовой [сост. З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В. Г. Маринич]. М.: РОССПЭН, 2009. 519 с.; Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи / Вступ. ст. и подгот. публ. З.И. Перегудовой // Вопросы истории. 2005. № 2–3, 5–8.**

В условиях сохраняющегося интереса к истории достаточно банальными стали справедливые жалобы на огромное количество низкопробной литературы, специализирующейся на раскрытии очередных и вечных «тайн» прошлого. Но за этими разговорами мы как-то хуже умеем замечать книги, издание которых делает честь и издателям, и, конечно, тем, кто их готовил к печати. Я имею в виду в данном случае, прежде всего, не монографии, а сборники документов и серии мемуарной литературы. Хотя рецензируемые воспоминания вышли в разных издательствах и даже частично лишь в журнальном варианте, их, несомненно, объединяют фигуры авторов и тех, кто готовил эти публикации. Все мемуаристы – А.Т. Васильев, А.В. Герасимов, К.И. Глобачев, В.Ф. Джунковский, П.П. Заварзин, К.Д. Кафафов, А.П. Мартынов – занимали высокие посты в системе политического розыска Российской империи в начале XX в. Чтобы читателю было в дальнейшем легче разобраться в переплетениях их судеб, оказавших немалое влияние на взаимные суждения друг о друге, позволю привести небольшие справки о каждом из этих персонажей.

Васильев Алексей Тихонович (1869–1929). Товарищ прокурора. В Департаменте полиции (ДП) с 1904 г. В 1906–1909 гг. зав. Особым отделом ДП, самой секретной и ответственной структурой политической полиции. В 1909–1913 гг. вернулся на службу в прокуратуру. С 1913 г. вновь в ДП. Директор ДП с 28.09.1916 г. по 27.02.1917 г. Умер в эмиграции во Франции.

Герасимов Александр Васильевич (1861–1944). В Отдельном корпусе жандармов с 1889 г. С 3.02.1905 по 25.10.1909 г. начальник Отделения по охране общественной безопасности и порядка (Охранного отделения) в Петербурге. Генерал для поручений при министре внутренних дел. С 1914 г. в отставке. Умер в эмиграции.

Глобачев Константин Иванович (1870–1941). В Отдельном корпусе жандармов с 1903 г. Начальник Охранных отделений в Лодзи (1905–1909), Варшаве (1909–1912); начальник Нижегородского ГЖУ (1912–1914); вновь начальник Охранного отделения уже в Петрограде (1915–02.1917). После 1920 г. в эмиграции. В 1923–1930 и 1934–1941 гг. в США. В 1930–1934 гг. руководитель отдела разведки и безопасности РОВС в Париже.

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938). Московский вице-губернатор (08–11.1905), губернатор (11.1905–01.1913), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1913–08.1915), С сентября 1918 г. по июнь 1921 г. в местах заключения. Расстрелян в феврале 1938 г.

Заварзин Павел Павлович (1868–1932). В Отдельном корпусе жандармов с 1898 г. Начальник Московского охранного отделения (1910–1912), начальник ЖУ Одессы (1912–1916). После 1917 г. в эмиграции.

Кафафов Константин Дмитриевич (1863–1931). В 1903–1912 гг. на прокурорских должностях. Вице-директор (1912–02.1917), и.о. директора ДП (23.11.1915–14.02.1916). Умер в эмиграции.

Мартынов Александр Павлович (1875–1951). В Отдельном корпусе жандармов с 1899 г. Начальник Саратовского (1906–1912), Московского (1912–1917) Охранных отделений. В 1923–1951 гг. жил в США.

В издании всех этих воспоминаний участвовало пять человек: историк США Джонотан Дейли, внук генерала К.И. Глобачева гражданин США В.Г. Маринич, доктора исторических наук З.И. Перегудова, И.М. Пушкарева и редактор А.Л. Панина. В подготовке к печати воспоминаний В.Ф. Джунковского участвовала также историк и архивист, к.и.н. Л.И. Тютюник. Вместе с тем, безусловно, особую роль в подготовке, в комментировании всех указанных работ сыграла крупнейший специалист по истории российских политических спецслужб второй половины XIX – начала XX в. Зинаида Ивановна Перегудова. Это видно из библиографического описания рецензируемых трудов. Отметим также, что воспоминания К.Д. Кафафова, написанные в 1929 г., вообще публикуются впервые, а мемуары А.Т. Васильева впервые выходят на русском языке.

Мемуары, как известно, один из самых сложных видов исторических источников. Их громадное достоинство в способности передать атмосферу времени, в психологической достоверности, в объяснении механизма принятия решений, в сообщении сведений, которые не откладываются в документах, а остаются лишь в памяти участников событий. Но одновременно мемуары – это вид субъективной памяти, достоверность которой страдает из-за течения времени, особенностей памяти, отношений с конкрет-